

Опубликовано в журнале:

[«Знамя» 2014, №3](#)

In memoriam

Владимир Попов

Памяти Николая Петровича Шмелева

Об авторе | **Владимир Викторович Попов** — доктор экономических наук, профессор РАНХиГС, почетный профессор Российской экономической школы.

Николай Петрович Шмелев (1936—2014) первым выступил за реформы и первым — против того, как они проводились. Писать о нем будут многие. Он был человеком крупного калибра — и в литературе, и в экономике, и в судьбе многих людей он оставил след на долгие годы. В том числе и в моей судьбе.

Он был моим начальником, старшим товарищем и соавтором в 1983—1991 годах, когда я работал в Институте США и Канады АН СССР; а после 1991 года мы общались регулярно и по работе, и как друзья. В 1989 году в России, а потом и в США вышла наша книга «На переломе»¹; в 1991 году под нашей редакцией вышла другая книга²; до этого и после этого мы писали вместе докладные записки, статьи, главы в книгах³.

В 1983 году я закончил рукопись книги про экономические циклы, ее раскритиковали как подрывающую марксистские догмы (хотя мне казалось, что, наоборот, я восстанавливаю творческий марксизм). Николай Петрович отнесся к книге с симпатией, взялся помочь, и в итоге я перешел в сектор мирохозяйственных связей Института США и Канады, который тогда Шмелев и возглавлял. Во время первого серьезного разговора я посчитал нужным рассказать Шмелеву, имевшему репутацию либерала, о своих политических взглядах:

— Я социал-демократ, верю в международное братство всех людей труда. Нынешнюю советскую систему критикую, как и все, но социалистические идеи разделяю. Может, и не вполне большевик, но как минимум «меньшевик-интернационалист».

Шмелев улыбнулся.

— М-да, сколько вам лет?

— Скоро тридцать.

— Знаете, что Черчилль говорил? Кто в молодости не был левым, у того нет сердца. Но кто к старости не стал правым, у того нет ума. У вас еще есть время, но не так много...

Наверное, в последующие годы я поправел, а может, и Шмелев полевел — так или иначе, мы сработались. Мне повезло, что судьба нас свела, я понял это сразу. Николай Петрович отличался от остальных так, что лишь слепой мог не заметить, что по широте кругозора, общей культуре и умению видеть и анализировать он превосходил других на порядок. Это было очевидно в его

экономических работах: многие специалисты, знавшие досконально свои темы, которыми занимались десятилетиями, не могли, что называется, взять быка за рога — сформулировать суть дела так четко, как Николай Петрович. И не могли сделать более верные прогнозы. Это было очевидно и в его художественной прозе — он писал о Гете и Пиросмани, о Питере Брейгеле и Иване Грозном, о московской интеллигенции и советской жизни. Его повести, романы и рассказы были настоящими, все они запоминались и не отпускали — заставляли мысленно возвращаться к ним опять и опять, искать ответы на вопросы, которые волновали людей сотни лет назад и будут волновать всегда.

Николай Петрович одним из самых первых выступил за реформы советской системы в статье «Авансы и долги», опубликованной в «Новом мире» в 1987 году⁴, и одним из первых воспротивился методам их проведения. При всем своем уважении к Горбачеву («европеец со ставропольским акцентом») он резко критиковал его макроэкономическую политику, создавшую огромные вынужденные сбережения — отложенный потребительский спрос и повсеместные дефициты. В начале 90-х годов ему предлагали войти в правительство (пост министра приватизации или другой), но он отказался. Он любил говорить: «Я не губернатор, я “еврей при губернаторе”», но отказался он, конечно, из-за принципиального несогласия с безжалостными шокотерапевтическими методами. Он переживал и за судьбу СССР, и за судьбу России, и за судьбу социалистической идеи.

В своей экономической публицистике конца 80-х Шмелев определил главную экономическую проблему тогдашнего развития: рыночные реформы со ставкой на экономические стимулы требуют стабильного рубля, а бюджетный дефицит и его монетизация эту самую стабильность подрывают, дискредитируя реформы и реформаторов. Тогда же он предложил варианты разумной политики — отказ от антиалкогольной кампании для восстановления потерянных от акцизов на водку доходов бюджета, продажа реальных активов (малая приватизация) и финансовых активов (облигационные займы) населению для откочки отложенного потребительского спроса, импорт ширпотреба за счет валютных резервов и иностранных займов для немедленного наполнения потребительского рынка. Такие рекомендации могли помочь профинансировать издержки перехода к рынку, осуществить своего рода «хирургию под наркозом», но, к сожалению, они если и были использованы, то в слишком малой степени и слишком поздно. Накопленные вынужденные сбережения населения в конце концов были ликвидированы самым жестоким и разрушительным способом — павловская денежная реформа 1991 года и апрельское «регулируемое» повышение, а потом и полное освобождение цен 2 января 1992 года, положившее начало периоду сверхвысокой инфляции.

В период высокой инфляции 1992—1995 годов, когда деньги раздавали на все, кроме того, на что действительно было нужно, Шмелев возмущался безжалостностью реформаторов в отношении пенсионеров, врачей, учителей, университетов и фундаментальной науки. «Если они печатают деньги вагонными составами, то разве нельзя прицепить к этому поезду еще маленькую

тележку, чтобы спасти от развала Академию наук? Сохранить в науке и в России сотрудников Математического института Стеклова стоит максимум несколько миллионов долларов — копеечные деньги в государственном масштабе; даже если на эту величину увеличить дефицит бюджета и погасить его печатанием денег, инфляция вырастет только с 1000% в год до 1002%. Какая разница? Кто это заметит?».

Наверное, лучше, чем кто-либо, Шмелев понимал, как в реальности работает советская экономика и вся административная система. «Если сказать, что система абсурдна, то это нас далеко не продвинет, — объяснял он. — Задача состоит в том, чтобы вскрыть механизм функционирования системы, законы ее развития».

«В чем состоит самая глубокая тайна советской системы? Я не сразу это понял, — говорил Шмелев, — мне понадобились годы, чтобы понять. Я думал, на Лубянке есть подвал, там клетка, в клетке — три мудреца. Когда «припекает», возникают серьезные проблемы, члены Политбюро идут в подвал к клетке за советом. Мудрецы им и говорят — «вводите войска в Чехословакию» или «стройте «Атоммаш» или «поднимайте цены на мясомолочные продукты». Так вот, самая главная тайна советской системы состоит в том, что не только мудрецов, но и клетки и даже подвала на Лубянке нет».

В каждой шутке есть доля шутки: этот образ системы был и у Войновича в «Москва 2042» — суперкомпьютер, якобы вычислявший оптимальную траекторию развития, а на самом деле сломанный и давно не работающий, в подвале, охранявшемся, как святилище. Но есть и в шутке доля правды. Советская система вопреки представлениям плановиков развивалась совсем не по плану, а по не ведомым никому законам, причем развивалась относительно устойчиво и одно время (до середины 60-х) даже сокращала разрыв с западными странами по подушевому доходу, да и по социальным показателям (продолжительность жизни, например) была впереди многих. Каковы эти законы и механизмы развития плановой системы, мы до сих пор не знаем (это один из крупнейших пробелов в экономической науке), но благодаря Шмелеву имеем много «наводок».

Собственно говоря, в этой области художественные произведения Шмелева, особенно его сборник рассказов «Curriculum Vitae», дают не меньше пищи для размышления, чем его научные работы. Перечитайте рассказы про А.И. Соболева, спасшего от разъяренного быка секретаря ЦК по международным связям Б.Н. Пономарева, про Иди Амина и его друга — агента советской разведки поневоле, про Н.П. Фирюбина, секретаря Московского горкома партии после войны, которого Сталин заподозрил в желании «отключить канализацию и провода в Кремле перерезать», — это ценные документы эпохи, реальные истории, записанные настоящим писателем, человеком, умевшим видеть и схватывать главное. Для серьезных будущих исследователей советского социализма эти рассказы дадут не меньше, чем архивы и статистические сводки.

От Шмелева я впервые услышал, что создание совнархозов в 1957 году, которое, как считали многие, не имело никакого экономического смысла, на самом деле было продиктовано соображениями политической борьбы. Хрущев старался тогда преодолеть сопротивление министерской бюрократии и решил создать «две партии» — по сельскому хозяйству и промышленности (а в перспективе хотел создать шесть — по птицеводству, свиноводству и т.д.). Так что получалось, что совнархозы отчасти сродни китайской «культурной революции», цель которой тоже состояла в том, чтобы предотвратить бюрократизацию аппарата.

От Шмелева я впервые узнал, какие широкие полномочия и невиданная в плановой системе экономическая самостоятельность были предоставлены наркомам вооружений, танков, самолетов, боеприпасов во время Второй мировой войны — вплоть до права устанавливать зарплаты, которые они считали нужными. Получалось, что в критические моменты административная система могла наплевать на все табу и использовать чисто рыночные методы.

Многое из того, что говорил Николай Петрович, он не успел записать. Те, кто знал его, наверное, как и я, только сейчас понимают, что многие его неопубликованные мысли будет трудно восстановить и додумать до конца.

В рассказе «Последний этаж»⁵, который сам Николай Петрович считал «самым важным из написанного», главный герой говорит так:

«...никому еще и никогда не удавалось додуматься в этих вечных вопросах до большего, чем простая констатация унылого, согласен, неприятного и тем не менее абсолютно бесспорного факта: каждый из нас — лишь песчинка в пустыне бытия, и приходил ли ты в мир или вовсе не был в нем, не имеет ровным счетом никакого значения ни для кого, кроме разве что тебя самого да еще немногих твоих близких, кого судьба так или иначе связала с тобой в один узел».

Я спорил, говорил, что есть какой-то смысл, предназначение, что человечество в конце концов добьется того, что люди будут жить вечно и мы узнаем, что там, за пределами Вселенной. Я цитировал Конфуция: «Живи так, будто завтра умрешь; учись так, будто проживешь вечно».

«Да, я могу принять неизбежность смерти, — отвечал Николай Петрович. Но смириться с тем, что мы никогда не узнаем, в чем смысл, зачем нам была дана эта жизнь, — с этим смириться я никогда не смогу».

Что же тут скажешь, действительно, трудно смириться. Еще труднее умирать, так и не узнав, в чем этот смысл. Но если мы не знаем, это не значит, что смысла нет. Для меня этот смысл определяется достижениями и нравственными ориентирами таких людей, как Шмелев. Николай Петрович не конъюнктурил ни в советское, ни в постсоветское время. Его художественную прозу не печатали четверть века, но он все равно продолжал писать «в стол», не подстраиваясь ни под цензуру, ни под политкорректность. Он успел сделать много и прожил жизнь достойно по гамбургскому счету.

В последние годы жизни Шмелев полушутя жаловался на груз прожитых лет: «Мне уже трудно вникать в смысл дискуссий, когда я сижу на ученом

совете или на конференции, мне трудно сконцентрировать внимание, мне надо сделать усилие, чтобы понять, о чем они там говорят и какие новые идеи провозглашают. Но в конце концов я делаю усилие и вникаю в суть — господа, о чем они говорят, я все это тридцать лет назад знал!»...

Таким он останется в моей памяти. Навсегда.

Стр. 236

1 Шмелев, Н.П., Попов В.В. *На переломе: экономическая перестройка в СССР*. М.: изд-во АПН, 1989; Shmelev, N., V. Popov. *The Turning Point: Revitalizing the Soviet Economy*. Doubleday. NY, 1990.

2 *Советская экономика: от плана к рынку*. Под ред. В.В. Попова и Н.П. Шмелева. М.: Прогресс, 1991.

3 *Анатомия дефицита*. — *Знамя*, 1988, № 5; *План и экономика*. М.: Знание, 1988; *На развилке дорог (Так была ли альтернатива 1929 году?)*. — *Студенческий меридиан*, 1989, №№ 1, 2; другие.

Стр. 237

4 *Авансы и долги*. — *Новый мир*, 1987, № 6.

Стр. 238

5 *«Последний этаж»: сборник современной прозы*. М.: Книжная палата, 1989.